

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

МОСКВА

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

**РОССИЯ, КОСОВО, ЕВРОПА:
ОПЫТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ
ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ***

© 2008 г. В. Петрич

Участие России в Косово необходимо рассматривать в контексте ее общей политики по отношению к США и Европе во время и после распада Югославии (СФРЮ). Трансформация роли России с середины 90-х годов минувшего века прошла несколько достаточно отчетливых этапов: от плодотворного сотрудничества, временного отстранения до агрессивной конфронтации с Западом. И никогда она не определялась исключительно ситуацией в Косово.

**ОТ ПОЗИЦИИ НАБЛЮДАТЕЛЯ
К УЧАСТИЮ**

В начале 90-х годов, когда начались открытые дезинтеграционные процессы в СФРЮ, Москва по разным причинам играла подчиненную роль на Балканах. Распад СФРЮ был спровоцирован решением Милошевича в 1989 г. отменить статус широкой автономии Косово внутри Сербии и СФРЮ. Роль России в окончании войны в Боснии и Герцеговине при посредничестве США в конце 1995 г. (Дейтонские соглашения) колебалась между преданностью православной Сербии и сотрудничеством с Западом. Такая *ненаправленная* внешняя политика продолжалась с середины 90-х годов. В первые годы “косовского эндшпиля”, начало которому положило появление Освободительной армии Косова (ОАК) в конце 1997 г., Россия подтвердила свою готовность принять западные предложения по разрешению последнего из конфликтов, вызванных распадом Югославии.

Во время и после конференции в Рамбуйе (февраль–март 1999 г.) и последовавшей за этим интервенции НАТО внешняя политика России находилась в состоянии полного беспорядка. Притом, что Россия шла на сотрудничество в мирных переговорах, она из принципа противостояла военной операции НАТО без мандата ООН. Затем, неожиданно, она оказала поддержку этой первой операции западного альянса *вне его зоны*

ПЕТРИЧ Вольфганг, Посол Австрии при Организации экономического сотрудничества и развития, бывший представитель Австрии при ООН и ВТО.

*Статья была подготовлена к печати до признания независимости Косово и начала военного конфликта в Южной Осетии.

ответственности. Миссия Ахтисаари–Черномырдина в июне 1999 г. обусловила ее успешное завершение.

В начале июля 2003 г. Россия даже вывела из Косово свой воинский контингент. Он был перебросен в аэропорт Приштины из Боснии в ходе неожиданной операции, проведенной одновременно с тем, как сухопутные войска НАТО входили в провинцию. Вывод российских войск, казалось, ознаменовал окончание геополитического присутствия России на Балканах.

Сегодня можно сказать, что это не так. Уход с Балкан (из Боснии и Герцеговины российские войска были выведены еще раньше), был последним отголоском политики *ad hoc*, осуществлявшейся в эпоху Ельцина и ознаменовавшей собой конец XX века.

**ЭКСЦЕНТРИЧНАЯ ПОЛИТИКА
В ЭПОХУ ЕЛЬЦИНА**

Непостоянство политики России в отношении Косово в этот период нагляднее всего демонстрирует бурная хронология событий.

Именно российский президент Борис Ельцин уговорил Милошевича согласиться на международное присутствие в Косово, когда так называемая Миссия дипломатических наблюдателей (*Kosovo Diplomatic Observer Mission, KDOM*) была развернута летом 1998 г. Соглашение Ельцина–Милошевича 17 июня 1998 г., которое положило конец восприятию проблемы Косово как исключительно внутрисербской, открыло дорогу созданию кратковременной трехсторонней международной миссии американцев, европейцев и россиян. Их доклады, составленные непосредственно в Приштине и Белграде, способствовали лучшему пониманию всей глубины и серьезности сербо-албанского конфликта – точнее, конфликта между Белградом и созданным в Косово Движением сопротивления Ибрагима Руговы, с одной стороны, и зарождающимся местным сопротивлением ОАК, с другой.

Представители КДОМ докладывали в западные столицы и ООН о часто повторяющихся случаях применения силы югославской полицией и военными против гражданского населения, и в то

же время о растущем числе террористических атак ОАК. Это стало одним из редких случаев, когда объективная информация о нарушении прав человека в конкретном конфликте была общедоступной, представленной в докладах представителей международного сообщества с места событий. Это в свою очередь интенсифицировало политический процесс урегулирования косовского конфликта, – в частности, деятельность Совета безопасности ООН и Контактной группы по Балканам (Франция, Германия, Италия, Россия, Великобритания и США).

Новый подход к внутреннему конфликту заложил основу последующей кардинальной трансформации системы международных отношений. С исторической точки зрения, Косово стало первым случаем, когда принцип государственного суверенитета – основной элемент Вестфальской системы – был поставлен под сомнение международным сообществом. Серьезные и непрерывные нарушения прав человека югославскими силами безопасности в отношении собственных граждан спровоцировали переосмысление традиционного понятия неограниченного государственного суверенитета. Принципиально новый подход, заявленный в докладе “Обязанности защищать” (принятый на Всемирном саммите ООН в 2005 г. в Нью-Йорке) был уже опробован в Косово в 1999 г.¹

Возвращаясь к самому конфликту: несмотря на то, что участие России в Миссии было незначительным, КДОМ по существу стала моделью “тройки”, которая с тех пор использовалась в мирных переговорах в Рамбуйе и Париже (1999 г.) и на последнем этапе переговоров между Белградом и Приштиной (“тройка” представила свой доклад Генеральному секретарю ООН Пан Ки Муну 10 декабря 2007 г.). Формат “тройки”, однако, не был задействован специальным представителем ООН Марти Ахтисаари в переговорах по проблеме статуса Косово в 2006–2007 гг. Это будет рассмотрено далее.

Формат КДОМ исчез благодаря логике дальнейшего развития событий. Ему на смену в октябре 1998 г. пришла Контрольная миссия в Косово (КМК) под эгидой ОБСЕ и при посредничестве США. Интересно отметить, что Миссия фактически стала результатом двусторонней договоренности между США и СРЮ (Соглашение Милошевича–Холбрука от 13 октября 1998 г.). Существенно, что из переговорного процесса были исключены представители и ЕС, и России. Не участвовали в подписании Соглашения и представители этнических албанцев. Лишь постфактум,

обращаясь с просьбой о поддержке выполнения Соглашения, Холбрук ознакомил с ним российского посла в Белграде Юрия Котова и только что получившего должность специального посланника ЕС (автора данной статьи). Во многом из-за того, что Соглашение уже было подписано президентом Югославии, ЕС и Россия не высказали возражений.

При этом Соглашение Милошевича–Холбрука² стало следующим важным шагом на пути *интернационализации* конфликта. Соглашение впервые в истории предусматривало контроль воздушного пространства Югославии силами НАТО, что являлось непосредственным нарушением югославского суверенитета. Россия в тот период не противостояла ни роли НАТО, ни тому, что операция ОБСЕ проводилась под командованием американского посла по особым поручениям Вильяма Дж. Уокера. Более того, Россия предоставила дипломатические кадры для КМК.

За исключением своего вполне конструктивного участия в Контактной группе по Балканам, Россия в тот период не воспринималась как трудный партнер по поиску решений для предотвращения кризиса. Даже наоборот, казалось, Россия хотела быть *полезной*. На российско-американском саммите в Москве (2 сентября 1998 г.) президенты Ельцин и Клинтон выразили глубокое разочарование в том, что Белград не выполняет условий недавно подписанного Соглашения Ельцина–Милошевича. Главы внешнеполитических ведомств Олбрайт и Иванов призвали к немедленному возобновлению переговоров между Белградом и всеми важными группами косовских албанцев. 23 сентября, за день до первого формального шага НАТО к осуществлению военного вмешательства, Совет Безопасности ООН при поддержке России одобрил Резолюцию 1199 (лишь Китай воздержался), которая требовала прекращения враждебных действий и содержала предупреждение о том, что “в случае несоблюдения мер, обозначенных в Резолюции”, будут рассматриваться “дополнительные меры для поддержания и восстановления мира и стабильности в регионе”.

² Политическое Соглашение между Холбруком и Милошевичем от 13 октября 1998 г. было введено в действие Соглашением, подписанным 16 октября 1998 г. министром иностранных дел СРЮ и действующим председателем ОБСЕ, о создании Контрольной миссии в Косово и Соглашением, подписанным 15 октября 1998 г. начальником штаба СРЮ и верховным главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО в Европе, о создании Миссии НАТО по воздушному контролю над территорией Косово дополнительно к Контрольной миссии ОБСЕ.

¹ См.: The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. 2001 (<http://www.iciss.ca/pdf/Commission-Report.pdf> and <http://www.iciss.ca/consult-en.asp>).

ОТ ЧЕЛНОЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ К ДИПЛОМАТИИ ПРИНУЖДЕНИЯ

Тем не менее на протяжении всех этих важнейших событий Россия не принимала участия в так называемой челночной дипломатии, осуществляемой специальными представителями США и ЕС параллельно с обременительным введением КМК, которая вплоть до своего раннего завершения в марте 1999 г. так и не достигла намеченного потенциала (2 тыс. гражданских наблюдателей). В то же время Россия следила за попытками США и ЕС достичь мирного компромисса между Белградом и Приштиной, основой для которого послужило заявление Контактной группы от 2 сентября 1998 г. о восстановлении «должного уровня самоуправления» в Косово.

Трагические события, связанные с убийством югославскими службами безопасности 45 этнических албанцев в косовской деревне Рачак в середине января 1999 г., стали поворотным пунктом в кризисе вокруг Косово. Американцы были готовы пойти на военное вмешательство. Европейцы, с одной стороны, опасаясь «еще одной Сребреницы», но, с другой, – менее уверенные в приемлемости «военных решений», выступали за мирную конференцию по модели Дейтона. Вскоре после этого представители обеих конфликтующих сторон были приглашены в летнюю резиденцию французского президента в Рамбуйе, где была предпринята последняя отчаянная попытка разрешить проблему Косово.

С 6 февраля по 19 марта Контактная группа («тройка»), представленная автором этих строк от ЕС, Кристофером Хиллом – от США и Борисом Майорским – от России, пыталась выработать компромисс, который сохранил бы суверенитет и территориальную целостность СРЮ (Сербии и Черногории) и предоставил бы албанскому большинству Косово самоуправление. Международное военное присутствие гарантировало бы общественную безопасность и соблюдение этого соглашения, которое содержало положение о необходимости его пересмотра через три года с целью окончательного определения статуса провинции.

Россия была готова поддержать политическую часть мирного соглашения Рамбуйе, но колебалась по поводу его военных пунктов из-за несогласия с ними Белграда, который их так и не принял. Несмотря на то, что югославские переговорщики пусть с неохотой, но готовы были согласиться с ними, на это не пошел Милошевич.

Приняв решение тем не менее продолжать поддерживать Милошевича, Москва совершила роковой маневр против поддержки умеренных сил внутри его режима и демократической оппозиции в Сербии. Более того, российская поддержка Милошевича вынудила НАТО следовать плану от 13 октября 1998 г., который возлагал ответ-

ственность за нанесение воздушных ударов по Югославии на генерального секретаря НАТО Хавьера Солану (то есть наделял его правом отдать приказ о начале военных действий. – Прим. пер.).

НЕРАЗБЕРИХА В ПОЛИТИКЕ МОСКВЫ В КОСОВО

Приводящая в замешательство непоследовательность балканской политики Кремля эпохи Ельцина лучше всего описана бывшим российским дипломатом Олегом Левитиным, который на протяжении долгого времени был участником событий. С 1990 по 1999 г. он находился на службе в Москве, в МИДе – в отделе, занимающимся Балканами, – а затем был российским послом в Тиране и Белграде (где автор с ним и познакомился). Вскоре после этого Левитин иммигрировал в Израиль. В статье, которую он написал в 2000 г., будучи приглашенным исследователем в лондонском Центре оборонных исследований, Левитин из первых уст рассказывает о «Неразберихе в политике Москвы в Косово» в 90-е годы. «В этот период, – пишет он, – тактика затягивания решений часто становилась по умолчанию основной стратегией Москвы»³. Левитин подробно разбирает два различных периода во внешней политике России: время Андрея Козырева, первого министра иностранных дел демократической России, который был прозападно ориентирован и довольно безучастен к Балканам («у нас есть своя Чечня, и нам не следует вмешиваться в Косово»), и время более активного Евгения Примакова. Левитин пишет: «... в 1996 г. Примаков действительно пытался договориться с Белградом о компромиссе по вопросу косовской автономии, но это были нерегулярные и несистематические переговоры. Никто не хотел давить на «стратегического партнера» по внутривнутриполитическим вопросам»⁴.

Лишь в начале 1999 г. со сменой главы Министерства иностранных дел Москва, наконец, стала полноценно участвовать «в более или менее конструктивных переговорах по проектам плана урегулирования». Эти переговоры проходили в Рамбуйе, где российские дипломаты, вдохновляемые глубокой заинтересованностью своего здравомыслящего министра Игоря Иванова, действовали как уверенный в своих силах партнер Запада. Российский представитель в «тройке», опытный дипломат Борис Майорский понимал, что переговоры во Франции были последним шансом для Югославии при поддержке Запада сохранить Косово в составе Сербии, при условии достижения

³ Levitin O. Inside Moscow's Kosovo Muddle // Survival. Spring 2000. P. 130–140.

⁴ Ibid. P. 135.

соглашения по вопросу о предоставлении провинции “*существенной автономии*”.

Майорский прекрасно знал, что лишь успех в этих переговорах может удержать НАТО. Североатлантический пакт должен был вскоре праздновать свой 50-летний юбилей (апрель 1999 г.) и просто не мог себе позволить отозвать Приказ о начале военных действий от октября 1998 г., что означало бы провал его политики в Косово. Для США и альянса сложилась сложная ситуация.

В течение длительного времени у меня – я, как и Майорский, был медиатором переговоров – было полное впечатление того, что Россия действительно желала успеха переговорам. Это же подтверждали частые визиты во дворец Рамбуйе министра Иванова или его заместителя.

Основной линией Кремля в тот исключительно важный период было удержать Косово в Сербии и не допустить НАТО в Косово.

В конце концов, Россия оказалась заложником Белграда, поскольку ей так и не удалось убедить Милошевича быть более сговорчивым. Интерес Милошевича, как мы знаем теперь, заключался в отвержении любого компромисса, который лишил бы его возможности разыгрывать *косовскую карту* во внутривосточной борьбе за власть. Более того, по словам Левитина, “упрямство России подало Белграду ложный сигнал, способствовало ужесточению его позиции”⁵.

Последовавшая за этим интервенция НАТО в Югославию (март–июнь 1999 г.) стала крупнейшим унижением Москвы, отчасти спровоцированным ею самой.

Гуманитарное вмешательство без мандата ООН – крайне спорное решение, которое Кремль осудил, а основные западные критики оценили как *незаконное, но оправданное* – открыло новую эру в урегулировании конфликтов в эпоху после холодной войны.

МАЛОВЕРОЯТНЫЙ СОЮЗНИК НАТО

Последствием одностороннего решения НАТО начать войну против Югославии стало то, что Москва приостановила свое участие в Контактной группе, основном институте по принятию политических решений по Балканам. Тем более удивительно – и еще более показательно в плане шаткости внешней политики России – то, что именно Ельцин спас НАТО и Запад от стыда (и ужасной для западного альянса перспективы ввода сухопутных войск в Косово). В разгар воздушной операции НАТО в конце мая – начале июня 1999 г. Москва послала Милошевичу недвусмысленный сигнал о том, что он не может рассчиты-

вать на вечную поддержку России. Необходимо было вести переговоры о прекращении войны.

По причинам, в основном не связанным с конфликтом, Ельцин назначил своим представителем в Югославии Виктора Черномырдина – *неожиданная удача* для испытывающего все возрастающие трудности западного альянса. Роль Черномырдина в успешном для НАТО окончании конфликта была, безусловно, конструктивной. Понадобилась всего одна поездка в Белград западного посредника по урегулированию Марти Ахтисаари, которого сопровождал Черномырдин, чтобы “убедить” Милошевича подписать соглашение о прекращении боевых действий. Соглашение было при этом намного менее выгодно для Югославии, чем то, которое Милошевич отверг в Рамбуйе. Соглашения Рамбуйе были разработаны Контактной группой, а миссия Ахтисаари–Черномырдина за основу приняла документ, согласованный “Группой семи” индустриальных стран совместно с Россией (Г-8). (Отставка Примакова с поста министра иностранных дел в мае 1999 г., бесспорно, облегчила путь достижения соглашения между Москвой, Белградом и Западом).

В результате было возобновлено участие в этом процессе ООН, которая взяла ответственность за формирование временной администрации в Косово. Международная военная миссия под эгидой НАТО (КФОР), которая до 2003 г. включала и российских солдат, отвечала за безопасность в регионе. (К тому моменту силы НАТО уже базировались в Боснии и Герцеговине, Македонии – Бывшей Югославской Республике Македония, Албании.)

Необходимо отметить, что в июньском соглашении 1999 г. принцип суверенитета и территориальной целостности Югославии соблюден, повторена формулировка Рамбуйе о *существенной автономии* – *не независимости* – для Косово (в Резолюции 1244 СБ ООН говорится о *существенной автономии* для Косово). Эту позицию, кстати, разделяли и США, и ЕС вплоть до того момента, когда в 2006–2007 гг. в рамках Венских переговоров под эгидой ООН Ахтисаари попытался привести конфликтующие стороны к соглашению по окончательному статусу Косово. Существенно то, что в докладе о будущем статусе Косово, направленном в СБ ООН 2 февраля 2007 г., слово *независимость (i-word)* не фигурирует. Хотя сам Ахтисаари в сопровождающем письме его употребляет. Россия осудила этот шаг Ахтисаари, в котором она усмотрела нарушение принципов Контактной группы, сформулированных в ноябре 2005 г.

Таким образом, позиция России по вопросу независимости Косово не нова и никогда не ставилась под сомнение. Независимо от успехов и про-

⁵ Ibid. P. 137.

валов косовской политики Россией вплоть до второго президентского срока Путина, Кремль твердо придерживался политики Белграда: “Косово – часть Сербии”. Мотивы, определяющие поддержку Белграда со стороны Москвы, могли меняться. Позиция сохранения суверенитета Сербии над Косово оставалась неизменной. Даже трагические события марта–июня 1999 г. ее не поколебали. Скорее, наоборот – в порыве крайнего недовольства войной НАТО против Милошевича Москва, казалось, не обратила должного внимания на спланированное сербскими службами безопасности изгнание 800 тыс. этнических албанцев из собственных домов. Эти жестокие действия навсегда изменили течение многолетнего конфликта между сербами и албанцами. После них возвращение Косово под юрисдикцию Белграда стало практически невозможным.

В последние месяцы эпохи Ельцина (он подал в отставку в конце 1999 г.) российская внешняя политика становилась все более “президентской”. Она также стала “более непостоянной, без четких позиций политических властей, особенно в военной сфере”⁶. Наглядный пример тому – эксцентричный военный бросок российских военных из близлежащей Боснии с целью захвата аэропорта Приштины непосредственно после окончания кампании НАТО в июне 1999 г. Лишь благодаря взвешенной реакции британского генерала Майкла Джексона, командовавшего натовским контингентом в составе КФОР, потенциально опасной конфронтации между Россией и западным альянсом удалось избежать. Британский генерал отказался подчиниться приказу верховного командующего ОВС НАТО генерала Уэсли Кларка вернуть аэропорт военными силами. (Известен ответ Джексона Кларку: “Я не начну Третью мировую войну из-за Вас”.)

Российская политика в отношении Косово в первый срок президентства Путина не претерпела значительных изменений и не приобрела большей значимости. Ни демократические изменения в Белграде в октябре 2000 г., ни падение режима Милошевича и его последующая экстрадиция в Гаагский трибунал не вызвали значительного политического напряжения между Западом и Россией.

Даже после фактического ухода из Косово Россия сохраняла приверженность процессу определения окончательного статуса провинции под эгидой ООН. Она не препятствовала назначению Ахтисаари специальным представителем Генерального секретаря ООН на переговорах по вопросу статуса. Хотя ей было известно, что он открыто поддерживает некую форму “подконтрольной независимости” для Косово. По какой-то причине Россия даже согласилась с тем,

⁶ Ibid. P. 138.

чтобы Ахтисаари был единственным посредником переговоров (что означало отказ от традиционного формата “тройки”). Естественно, невозможно сказать, была ли у России уже тогда идея возложить всю политическую ответственность и вину в случае, если переговоры провалятся, на Запад. Однако известно, что западные участники Контактной группы вместе с Ахтисаари, если и не были уверены, то надеялись, что в конечном итоге Россия не воспользуется правом вето, не будет блокировать западные предложения.

Предположение оказалось неверным. Даже после последней попытки прийти к компромиссу на инициированных Берлином переговорах – снова в формате “тройки” – Россия твердо противостояла любым формам независимости Косово. Доклад переговорщиков от ЕС, США и РФ Генеральному секретарю ООН Пан Ки Муну от 10 декабря 2007 г. фактически содержал лишь *согласие на дальнейшее несогласие*. США продемонстрировали выдержку в своем традиционном требовании независимости для Косово. ЕС значительно продвинулся в направлении выработки общей позиции по косовскому вопросу во второй половине 2007 г. За исключением Кипра, лишь Румыния, Словакия и Испания по внутривнутриполитическим причинам высказывали опасения в связи с провозглашением независимости Косово.

Россию, кажется, не убеждало единство Запада. Ее политика в отношении Косово продолжала руководствоваться *принципом государственного суверенитета и территориальной целостности*, пренебрегая при этом *принципом самоопределения*. В то время как Запад рассматривал Косово в качестве уникального случая (*sui generis*), Россия указывала на негативные последствия провозглашения независимости Косово для конфликтов в Абхазии, Южной Осетии на Южном Кавказе и Приднестровья в Молдове в непосредственной близости от ЕС. Она настаивала на том, что независимость Косово спровоцирует беспрецедентный рост числа несостоявшихся мелких государств, и это разбалансирует систему европейской безопасности.

ПРЕТЕНЗИЯ РОССИИ НА НОВОЕ ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО

В то время как на протяжении 2007 г. в Вене под эгидой ООН шли переговоры между Белградом и Приштиной, возрождающаяся (благодаря растущим ценам на нефть и газ) Россия вновь заявила о себе на глобальной политической арене. Растущая уверенность Кремля в собственных силах в последние три года сопровождалась постепенным возвратом к риторике холодной войны и определенному внешнеполитическому национализму. *Национальные интересы* России вновь достигли Балкан. В этот раз политика форми-

ровалась не в ключе *славяно-православного братства*, а преследовала четкие и реальные экономические, политические и стратегические цели.

Такая смена парадигмы убедительно прозвучала в выступлении Владимира Путина на конференции по проблемам безопасности в Мюнхене 10 февраля 2007 г.: «Одно государство, в первую очередь США, перешагнуло национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере оно навязывает свои нормы другим государствам».

Конечно, это касается не только Косово. В какой-то степени край стал заложником тяжелых времен, промедления со стороны Запада и изначально выбранного подхода к югославскому конфликту, предусматривавшего решение проблем по отдельным вопросам. В последние годы президентства Ельцина и в первые годы правления Путина (когда Кремль был занят социально-экономическими последствиями серьезного финансового кризиса в России в августе 1998 г.) казалось вероятным, что РФ пойдет, по крайней мере, на некоторые уступки. Однако вариант независимости не рассматривался Кремлем как возможный с самого начала миссии Ахтисаари.

В этом смысле отложенное решение югославского конфликта (косовская эпопея могла быть окончена несколько лет назад) можно рассматривать как *побочный эффект*, вызванный недавним возрождением России и ее реакцией на грубую политику Запада по отношению к этому «раненному гиганту» сразу после окончания холодной войны. Последовавшее за ним резкое расширение ЕС и НАТО в непосредственной близости от России; нескрываемая поддержка Западом «цветных» революций в Украине и Грузии; планы Вашингтона по размещению баз противоракетной обороны на территории бывшей советской зоны влияния в Польше и Чехии – все это заставляло Кремль бояться, что РФ низведут до статуса третьесортной державы (даже после недавнего роста российский оборонный бюджет составляет около 5% американского).

И Россия реагирует: ограничивая деятельность иностранных и российских неправительственных организаций; препятствуя участию представителей ОБСЕ/БДИПЧ (Бюро по демократическим институтам и правам человека) в недавних выборах; или, по сути, закрывая отделения Британского совета в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Таким образом, Россия при Путине становится более авторитарным и менее демократическим государством.

Происходит не только пресечение деятельности российских институтов «мягкой силы» (*soft power*) и противодействие активности международных и региональных организаций – таких как

ОБСЕ. Россия подвергает сомнению основополагающие договоры безопасности времен холодной войны между Востоком и Западом. Так, она приостановила свое участие в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) под предлогом того, что адаптированный ДОВСЕ, подписанный в 1999 г., не был ратифицирован западными странами. Кремль ставит под сомнение и Соглашение о ядерных вооружениях средней дальности 1987 г., что, в свою очередь, может привести к полемике по еще более важному договору, срок которого истекает в 2008 г.: Договору СНВ-2, регулирующий стратегические наступательные вооружения с большим радиусом действия.

Очевидно, что Россию спровоцировали США. Первая администрация Джорджа Буша мл. начала свертывание системы безопасности эпохи холодной войны, когда в 2001 г. США вышли из Договора по ПРО 1972 г. для того, чтобы начать разрабатывать свой противоракетный щит.

НОВОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА ВЛИЯНИЕ НА БАЛКАНАХ?

В такой контекст следует поместить новую российскую политику напористости, которая распространяется далеко за пределы Косово. Об этой политике не стоит судить лишь по российской риторике и довольно реакционным действиям в вопросах международной безопасности.

Намного существеннее для нашей темы – российское экономическое присутствие на Балканах, в бывшей сфере своего влияния. В недавнем интервью венской газете *Der Standard* главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов метко резюмировал новую стратегию России: «Мы хотим вести себя, как американцы»⁷. Так и происходит.

18 января 2008 г. в ходе визита в Софию Владимир Путин подписал соглашение между Россией, Грецией и Болгарией о строительстве газового трубопровода «Южный поток». Этот совместный проект «Газпрома» и итальянской компании *ENI* предусматривает трубопровод через Черное море на Балканы, а затем в Центральную Европу, включая Австрию. Введение такого газопровода в действие усложнит достижение поставленных ЕС целей в сфере энергетической безопасности. Он обеспечит доступ России к рынкам, на которые рассчитывают европейцы, поддерживающие проект Набукко (в который входят австрийская компания *OMV* и компании из Венгрии, Болгарии и Турции). Осуществление проекта «Южный поток» закрепит российскую монополию на постав-

⁷ Wir wollen handeln wie die Amerikaner // *Der Standard*. 08.11.2007.

ки газа на уже имеющиеся рынки, а также откроет доступ к новым.

И здесь в игру включается Сербия. Россия предложила ей участие в этом проекте и в то же время сделала предложение, касающееся всей энергетической отрасли Сербии. Российское правительство и «Газпром» предлагают создать три совместных предприятия – два газовых и одно нефтяное – на территории Сербии с несколькими ответвлениями в Республику Сербскую, часть Боснии и Герцеговины. Белград принял российское предложение, неоднозначное соглашение было подписано в Москве сербскими президентом Тадичем и премьер-министром Коштуницей 25 января 2008 г. Это явно демонстрирует взаимозависимость экономики и политики на Балканах. Поэтому Косово не следует рассматривать вне этого контекста.

В то время как «мантра» традиционной российско-сербской дружбы подходит для ведения диалога с представителями консерваторов (таких как Коштуница) и радикалов из партии Шешеля, для

переговоров с проевропейски настроенной частью сербской политической элиты Россия переняла американский стиль ведения дел. Беспроблемным вариантом для нее остается не признавать независимость Косово – тем самым поддерживая и консерваторов, и националистов – и при этом усиливать свое экономическое присутствие в Сербии и близлежащих странах (например, в Черногории). Новые рабочие места, приемлемые условия жизни – те обещания, которым поверят уставшие от кризисов сербы. И не будет иметь значения, Россия или Европа способствуют достижению этих целей.

На Балканах, по всей видимости, начался новый виток гонки за политическое влияние. В этот раз с экономической подоплекой.

Безусловно, дело не только в неизбежной зависимости Косово.

Перевод П. СОКОЛОВОЙ